

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ В СЕМЬЕ

В статье раскрывается гендерная социализация семьи.

This article reveal problems of the gender socialization of modern youth of the transforming society.

Социализация – процесс становления личности, усвоения знаний, ценностей и норм, присущих данному обществу, социальной общности, группе. На процесс социального становления человека влияют разнообразные социальные факторы, под воздействием которых в отдельных случаях могут сформироваться неадекватные данному обществу социальные качества личности, приводящие впоследствии к разнообразным социальным конфликтам. Поэтому процесс социализации в основном является институционализированным явлением, реализуется через систему определенных социальных институтов, призванных формировать и корректировать социальные качества личности в соответствии с общественно значимыми ценностями и нормами общества, а также ограничивать или активизировать воздействие разнообразных факторов либо их нейтрализовывать.

Гендерные отношения – системообразующие для воспроизводства того или иного типа семьи, самоопределения мужчин и женщин в социуме, выбора стратегий принятия решений и т.д. Для социализированной личности любого типа общества чрезвычайно важно пройти курс гендерно-ролевой социализации. Базовой школой гендерной социализации индивида исторически является семья.

Очевидна зависимость социальной структуры общества от результатов воздействия гендерной системы стратификации, доминирующей в культуре данного общества. Гендерные отношения – ключевые в восходящей или нисходящей социальной мобильности. Гендерные отношения регулируют экономический процесс, результатом которого становятся новые формы семьи и новые виды гендерных отношений.

Гендерная идеология является эмблемой классовых отношений. Регулирование социальной мобильности с помощью гендерных отношений и гендерной идеологии не ограничивается только выбором супруга и спецификой брачного поведения. Это регулирование включает самовосприятие, использование телесности и представлений о сексуальности, содержание и качество выполняемых семейных ролей. Основы гендерной социализации закладываются в семье.

Возрастание научного интереса к проблематике семейно-гендерных ценностей и процесса их трансляции является закономерным и необходимым в трансформирующемся обществе. Сложилось определенное традиции в исследовании проблемы гендерной социализации.

Теория гендера как стратификационной категории базируется на классических теориях социального неравенства и социальной стратификации М. Вебера и П. Сорокина¹. Психолого-педагогическое направление представлено работами З. Фрейда, А. Фрейда, А. Айхорна, А. Гезелла, Э. Эриксона, Дж. Аронфрида, А.Бандуры, Дж. Гевирца, А.В. Петровского, Л.С. Выготского, А.В. Мудрика. Значительный вклад в изучение социализации внесли такие социологи

как Э. Гидденс, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, М. Вебер, П. Сорокин, У. Джеймс, Дж. Мид, Н. Смелзер, П. Бергер, Т. Лукман, С. Фролов и др.

Проблемами гендера и гендерных стереотипов занимались У. Липпман, Ш. Берн, П.Н. Шихирев, Д.И. Широканов, Е.А. Алексеева и т.д. Часть исследователей предметом изучения называют содержание гендера и гендерных стереотипов, находящихся в прямой зависимости от доминирующей культуры. Эта проблематика находит отражение в трудах таких зарубежных и отечественных исследователей как Г. Хофстед, И.С. Кон, И.А. Ильин, Т.М. Горичева.

Социокультурный подход к проблеме гендерной социализации прослеживается в трудах П. Бурдьё, О. Ворониной, И. Клециной, О. Рябова.

Первая попытка разработки модели гендерных отношений в рамках социологии семьи представлена в 80-х гг. в работах И. Бестужева-Лады, В.А. Борисова, В. Переведенцева, З.А. Янковой. Сегодня исследователей гендерных отношений в семье, с точки зрения различных аспектов, сравнительно мало, к ним можно отнести: Е.Ф. Молевича, А.В. Мытиль, М. Римашевскую, Г.Г. Силласте, И.Н. Тартаковскую, А.А. Темкину, Л. Томпсона, З.А. Хоткину, З.А. Янкову и др.

Наиболее полное научное исследование по проблемам гендерной социализации в российской семье представляет, на наш взгляд, работа Т.Б. Легенинойⁱⁱ. В ней представлены теоретико-методологические основы социокультурного анализа гендерной социализации в семье, рассмотрены особенности современной гендерной социализации молодежи в современной российской семье и проанализирован региональный аспект особенностей семейно-брачных установок молодежи.

Гендерная социализация, как составная часть общего процесса социокультурного воспроизводства общества, – одна из наименее исследованных проблем в социологии, поскольку 1) сложность проблемы гендерной социализации связана с биосоциальной природой гендера и, следовательно, требует междисциплинарного биолого-психолого-социологического подхода; 2) гендерология, как относительно самостоятельная область научного знания, появляется только в 70-х гг. XX в.; 3) до сих пор не сложилась методология исследования данного феноменаⁱⁱⁱ. Однако социальная трансформация, затрагивая все сферы жизни современного общества, оказала значительное влияние на состояние брака и семьи, проблема принятия индивидами своих гендерных ролей весьма актуальна именно в переходном обществе.

Сегодня российская семья переживает противоречивое и сложное состояние, в качестве причин которого специалисты обычно выделяют объективно закономерные тенденции ее развития как следствие модернизации общества в целом (под воздействием процессов индустриализации, урбанизации) и временные, специфические ее изменения, являющиеся следствием социально-экономического кризиса в нашей стране. Годы либерально-рыночных реформ вызвали серьезные изменения в формах жизнеобеспечения семьи, поставив подавляющую часть населения страны в условия выживания.

Социально-экономические трансформации, происходящие в России, существенным образом отразились на жизнедеятельности семьи, ее устойчивости и стабильности. Важнейшая составляющая кризиса семьи – кризис родительства. Исследователи отмечают, что семья не справляется с выполнением своих основных функций, в первую очередь репродуктивной и социализирующей. Изменения, происходящие в институте семьи, касаются и особенностей гендерной социализации. Нет единого мнения о причинах изменения специфики гендерной социализации в семье. Одни специалисты интерпретируют их как свидетельство кризиса моногамии (А.И. Антонов, В.А. Борисов), другие – как ее трансформацию (С.И. Голод, А.Г. Вишневский).

В современной семье наблюдаются такие негативные явления как снижение уровня рождаемости, увеличение уровня разводов, ослабление родственных связей, распространение идеала однодетной семьи, различных девиантных форм семейного поведения, увеличение количества неполных семей. Эти тенденции, о которых писал еще в начале XX в. П. Сорокин, подтверждают новые особенности семейной жизни – все больше детей остается без одного из родителей.

Особого внимания на современном этапе заслуживает проблема кризиса отцовства, которая существовала и в советский период, когда роль отца в обеспечении и воспитании детей принижалась, а советское государство всячески поддерживало материнство. «Кризис отцовства» можно рассматривать и как аспект кризиса семьи, и как аспект кризиса маскулинности. В действительности содержание отцовской роли и критерии успешности ее выполнения – производные от гендерного порядка и конкретно-исторических форм брака и семьи. Одной из самых важных характеристик отцовства является его социальная детерминированность. Социум не только предъявляет определенные требования возрастному, экономическому, профессиональному социальному статусу отца, но и регламентирует поведение человека, обладающего определенным статусом через систему социальных ролей.

Социальными проблемами являются рост безотцовщины, частое отсутствие отца в семье; незначительность и бедность отцовских контактов с детьми по сравнению с материнскими; педагогическая некомпетентность, неумелость отцов, их незаинтересованность и неспособность осуществлять воспитательные функции, особенно уход за маленькими детьми^{iv}.

Т.А. Гурко полагает, что стереотипы в сфере родительства, под которыми понимаются устойчивые представления, ставящие женщин в невыгодное положение в обществе в сравнении с мужчинами, с точки зрения достижения статуса, власти и доступа к ресурсам, наиболее устойчивы в обществе. Материнская обязанность, как жесткая привязанность женщины не только к биологическому, но и к социальному воспроизводству, особенно уходу за детьми, является основным аргументом дискриминации женщин. Эти же стереотипы – причины не только проблем женщин, но и сложностей мужчин в выполнении ролей мужа и отца.

Однако необходимо учитывать культурно-исторические традиции, характерные для России. Как отмечает Л.Д. Ерохина, «для граждан России характерна традиционно высокая значимость семьи и детей. В семьецентристском российском обществе ценности фамелизма традиционно доминировали над ценностями индивидуализма. Сегодня также во главе угла стоят традиционные жизненные смыслы и ориентиры. Как показывают исследования, семья является некой безусловной сверхценностью, важной для подавляющего большинства людей»^v.

Тенденции, характерные для России, не исключительны. Они вписываются в общемировой процесс трансформации института брачно-семейных отношений и гендерной системы стратификации общества. Изменившиеся социально-политические, экономические условия существования общества привели к изменению статуса женщины и отношения общества к ней. Сегодня женщина уже не воспринимается только как мать, жена, хозяйка. Изменились семейно-брачные отношения как по линии муж – жена, так и по линии родители – дети.

В современной семье муж и жена отказываются безоговорочно подчинять собственные интересы интересам детей; сексуальность не сводится к прокреации; в супружеские отношения проник эротизм как ключевой момент постсоветской семьи. В своих работах этот аспект подробно рассматривает С.И. Голод. Все это позволяет говорить, что гендерные отношения не заданная раз и навсегда категория, а переменная величина. Границы таких отношений достаточно подвижны и проницаемы. Так же подвижны и изменчивы в новых социокультурных условиях общества и отношения гендерной социализации.

Это означает, что человек не только должен получить всю информацию о гендере к периоду вступления во взрослую жизнь, но и освоить гендерные модели поведения той общности, к которой он принадлежит. В этом заинтересован индивид и все общество в целом. Важнейшую гендерную модель поведения индивид получает в семье.

Зачатки дифференциальной гендерной социализации возможно зарегистрировать еще до рождения ребенка. Родители желают знать пол будущего ребенка, поскольку от этого будет зависеть выбор имени, предметов одежды и ухода за ребенком, игрушек, но самое главное – стиль социализации в семье ее первичными агентами, какими являются родители и близкие родственники. Изменяются в обществе и модели традиционной гендерной социализации.

Уникальный опыт методики дородовой гендерной социализации в рамках сбалансированного гендерного подхода представлен в структурном подразделении г. Благовещенска «Даренок» (руководитель – Н.Н. Волкова). Вся работа школы дородового воспитания строится на принципе, что важнейшим агентом социализации выступает семья, которая не только социализирует детей, но и сама социализируется. Семья получает «дары» от детей, а главный дар – сами дети. Такое понимание сходно с концепцией семейной социализации Дж. Боссарда. Эти «дары», о которых говорит американский социолог, следующие: 1) обогащение внутрисемейных связей; 2) расширение круга интересов семьи; 3) эмоциональное удовлетворение, продолжающееся всю жизнь; 4) возможность возвращения к пройденным этапам жизни; 5) контроль за развитием новой человеческой личности; 6) более глубокое понимание жизненных процессов и истинного смысла жизни. Семья, родители формируют нравственные и эмоциональные начала человека, вводят ребенка в мир добра и красоты. Родительская семья для ребенка, образно говоря, – академия гуманизма, где реализуются идеалы доброты, честности, долга, дружбы.

В основу методики дородового воспитания легли собственные исследования Н.Н. Волковой по перинатальной физиологии и психологии. Уникальность методики заключается в том, что все предлагаемые методы имеют целью достижение гармоничных отношений между всеми членами семьи. Авторская система дородовой социализации органично вписывается в сбалансированную программу гендерно-гармоничной личности. Как считает Н.Н. Волкова, «большинство людей запрограммированы на короткую жизнь, неуверенность в завтрашнем дне, многочисленные болезни»^{vi}. Один месяц дородового воспитания ребенка равен целому году воспитания после рождения. Научить индивида быть современным мужчиной или женщиной, активно и органично вписаться в социальную систему общественных отношений – одна из важнейших семейных функций. Эти знания должны иметь люди, решившиеся на создание семьи. Систематические занятия в школе «Даренок» помогают изменить осознание родителями и детьми проблем гендерной социализации в семье.

На нынешнем этапе развития общества ролевые функции мужчин и женщин претерпевают серьезные изменения, вследствие этого в современной культуре отсутствует четкая дихотомия мужского и женского начал, наблюдается поворот к андрогинным ценностям. Пропаганда и распространение знаний по воспитанию андрогинной личности – важнейшие факторы корректирования и постепенного изменения гендерных стереотипов в воспитании детей. Именно в семье осуществляется конструирование гендера в процессе социализации через межпоколенную трансмиссию сформировавшихся в культуре представлений о том, как следует вести себя мальчику и девочке, юноше и девушке, какими личностными качествами должны обладать мужчины и женщины. Идеальная модель будущей семьи в представлениях молодых людей формируется в основном под влиянием родительской семьи, некоторых усвоенных образцов социальной среды, а также глубинных ценностных структур личности.

Деформированное гендерное воздействие в семье создает проблемы формирования личности в целом. Очень важно учитывать сложившиеся эволюционные модели гендерных социализационных процессов и умело ими руководить в ходе формирования гармонично развитой личности демократического общества.

Знание этих тенденций является одним из важнейших компонентов гендерной культуры родителей как будущих социализаторов. Известно следующее. Несмотря на то, что дети получают информацию от представителей обоих гендеров, они в большинстве склонны воспроизводить в поведении именно те модели, которые соответствуют их гендеру.

Было выявлено, что ребенок предпочитает имитировать поведение взрослого, если считает, что эта модель точно отражает правильное гендерно-ролевое поведение. Даже в тех случаях, когда поведение родителей выходит за рамки гендерно-ролевых стереотипов, дети могут воспринимать модели поведения, типичные для их гендерных ролей. Гендерно-ролевая социализация – процесс, продолжающийся в течение всей человеческой жизни, он отражает меняющиеся социальные условия и новый опыт.

Исследованием проблем гендерной социализации в детском обществе занималась Э. Маккоби. Она выделяла две наиболее характерные тенденции гендерных взаимоотношений среди детей: гендерную сегрегацию и гендерную конвергенцию. Эти тенденции имеют возрастную специфику, но сегрегация в целом – более распространенное явление. С возрастом дети начинают проявлять аффилиативное поведение в первую очередь по отношению к представителям своего пола. У девочек это происходит на третьем году жизни, у мальчиков – на год позднее.

Установлено, что уже в один-два года дети имеют друзей – других детей, с которыми им приятно общаться. Друзья радуются друг другу и часто друг на друга смотрят, их поведение по отношению друг к другу отличается от поведения с игровыми партнерами. В этом возрасте пол не влияет на формирование дружеских отношений. Однако на третьем году жизни происходят изменения: если на предыдущем этапе образовалась диада мальчик – девочка и у них наблюдается совместимость лидерских стилей, то они сохраняют свою дружбу и позже. Но при выборе новых друзей дети уже отдают предпочтение представителю своего пола, причем у девочек эта тенденция проявляется ярче. При этом дружба между девочками в этом возрасте представляется более прочной.

Исследование детских игровых диад Г. Питчера и К. Шульца привело к следующим результатам. Испытуемыми были 255 детей обоего пола в возрасте 2-5 лет. В результате наблюдения за свободными играми детей сделаны следующие выводы:

- 1) в возрасте около трех лет девочки для игр чаще выбирают других девочек, чем мальчиков;
- 2) трехлетние мальчики проявляют в играх гендерную нейтральность;
- 3) в четыре года мальчики начинают предпочитать в качестве партнеров для игр других мальчиков;
- 4) в пять лет мальчики демонстрируют большее стремление к гендерной сегрегации, чем девочки.

Таким образом, гендерная сегрегация начинает проявляться на третьем году жизни детей. Девочки и мальчики отличаются по началу и по степени ее проявления, хотя в этом возрасте довольно часто встречаются смешанные группировки, когда мальчики и девочки играют в одни и те же игры вместе.

В возрасте от трех до пяти лет в большинстве культур гендерная сегрегация проявляется очень ярко. Ей способствуют следующие факторы: распространение ролевых игр, увеличение круга общения, количественный рост однополых групп в условиях автономии общения от взрослых и характер культуры (с преобладанием гендерного неравенства или равенства).

Взрослые организуют общение детей так, чтобы мальчики и девочки взаимодействовали друг с другом. В этих случаях половая сегрегация бывает скрытой или вообще незаметной. Наиболее ярко она проявляется там, где дети предоставлены себе – в свободных детских играх. По мере взросления дети все чаще начинают играть без взрослых, и половая сегрегация усиливается. Это ярко демонстрирует исследование Э. Маккоби и К. Жаклин. Они обнаружили, что для игры дети образуют и однополые, и смешанные группировки, но в возрасте четырех с половиной лет соотношение первых и последних группировок составляет 3:1, а в шесть с половиной лет – уже 11:1.

Это явление исторически сложилось во многих обществах. Исследования продемонстрировали наличие половой сегрегации во многих культурах. Прежде всего она наблюдается там, где дети разного пола воспитываются отдельно или существуют ограничения для их общения. В Индии сестры живут отдельно от братьев, а в некоторых странах Африки – жены со своими детьми ограничены в общении с другими членами общества. В индустриальных странах, напротив, в детских учреждениях мальчики и девочки воспитываются вместе. При этом мальчики заметнее стремятся отделиться от девочек в тех культурах, где наблюдается гендерное неравенство, т.е. там, где статус мужчины явно выше статуса женщины.

Характер культуры существенно сказывается на степени гендерной сегрегации после начала школьного обучения. В странах Запада мальчики и девочки учатся совместно, а учителя стараются уменьшить половую сегрегацию: не противопоставляют мальчиков и девочек, не дают им отдельных заданий, напротив, организуют работу так, чтобы они общались друг с другом, поэтому в классе во время занятий половая сегрегация не так заметна. Правда, как только появляется возможность, мальчики и девочки разделяются. К. Шофилд обнаружил, что если учитель разрешает ребенку сесть там, где он хочет, тот выбирает соседа своего пола. По данным С. Дамико, дети помогают в учебе прежде всего представителям своего пола. А. Локхид и С. Харрис даже обнаружили, что усилия учителей на протяжении целого года уменьшить половую сегрегацию не увенчались успехом. У девочек, поработавших с мальчиками при выполнении учебных заданий, усилилось негативное мнение о них. Наконец, Э. Маккоби и К. Жаклин установили, что учителя, требующие от детей сидеть только парами мальчик – девочка, а также становиться по двое и братья за руки с представителями противоположного пола, особенно непопулярны.

В свободном общении гендерная сегрегация продолжает существовать и проявляется достаточно ярко. Это общение в школьном коридоре, в столовой, в играх, после окончания занятий. Существуют неписанные правила такой сегрегации. Мальчики занимают центр игрового поля, а девочки – периферию. В столовой существуют «столы для мальчиков» и «столы для девочек». При этом, по данным К. Шофилда, половая сегрегация в американских школьных столовых выражена даже сильнее, чем расовая. Когда ребенок выбирает, с кем ему сесть рядом, он скорее сядет с представителем другой расы, но своего пола, чем наоборот. В эксперименте Сорна стоило мальчику-лидеру сказать: «О, здесь слишком много девочек», как этот стол становился запретным и мальчики избегали садиться за него.

М. Грей и П. Фельдман изучали детей в специальных школах, где дети должны были общаться в смешанных по возрасту группах. Оказалось, что гендерная сегрегация также более выражена, чем возрастная, а ведь возраст – достаточно мощный факт организации детского общения.

Таким образом, можно выделить фактор относительной независимости феномена половой сегрегации от влияния взрослых, сформированной в ходе семейной первичной социализации.

Другим следствием половой сегрегации является становление особых гендерных отношений: взаимоотношения внутри пола лучше взаимоотношений между полами. Порой мальчики и девочки откровенно враждуют между собой. С помощью насмешек сохраняется сегрегация полов и их конфронтация. Если кого-то уличают во влюбленности, он (она) сразу же это отрицает: «Ты любишь его (ее)?» – «Нет, я его (ее) ненавижу!» (также из наблюдений в летнем лагере). В то же время иногда девочка признается подруге, что ей нравится мальчик, рискуя, что та может ее выдать. Как правило, дети воспринимают как норму гетеросексуальную влюбленность. Хотя мальчики дразнят друг друга словами, говорящими о гомосексуализме, все же это несерьезно. «Любовь» между двумя мальчиками воспринимается как что-то смешное и несуразное. Мальчики и девочки начинают интерпретировать некоторые игры как романтические и сексуальные, – например, когда мальчик догоняет девочку и толкает ее. К. Шоуфилд называет эту форму поведения «ухаживанием с помощью толчков». Он также приводит следующий пример: одна девочка заявила, что мальчик влюбился в ее подругу, а когда ее спросили, откуда она это знает, то ответила: «Он сбросил ее книги на пол». Подобное поведение – переход к будущим сексуальным отношениям.

Одно важное проявление конфронтации полов, в котором, как и в предыдущем явлении, закладываются нормы будущих социальных отношений между мальчиками и девочками: амбивалентного сочетания враждебности с позитивным отношением – правила поведения с представителями противоположного пола. Эти неписанные правила о межполовых контактах для восьми-десятилетних детей выявили К. Шроуф и коллеги: контакт должен быть вынужденным: например, это может быть случайное столкновение; контакт должен быть случайным (например, мальчик ждет своей очереди выпить лимонада после двух девочек, и все участники не должны проявлять инициативы общения – нельзя разговаривать ни мальчику с девочками, ни девочкам с мальчиком); контакт должен быть прикрыт какой-то явной необходимостью (к примеру, можно передать лимонад сидящему за другим столом, это следует сделать обязательно с равнодушным лицом, нельзя проявлять никакого интереса); контакт приемлем, когда к нему вынуждают взрослые (учитель посылает мальчика принести что-то от девочек); контакт приемлем, когда ребенка сопровождает представитель его пола (две девочки могут разговаривать с двумя мальчиками); объект контакта впоследствии дезавуируется (нужно говорить о его уродливости, оскорблять и даже – у мальчиков – толкать).

Таким образом, в детстве во взаимоотношениях между полами имеются две противоположные тенденции, заложенные в семье: сохранять сегрегацию (раздельное общение) и конфронтацию, враждебность между полами и, напротив, разрушать эту сегрегацию, переходя к более тесным контактам с противоположным полом и устанавливая дружеские отношения с ним.

Однако при проведении специальной работы сегрегация может быть уменьшена. Такая работа должна быть тонкой и продуманной, а не восприниматься как принуждение. В первую очередь это касается наших школ, где гендерное воспитание, понимаемое и в плане улучшения взаимоотношений между полами, пока только начинается. Роль семейной гендерной социализации с целью осуществления равномерного гендерного подхода к представителям двух общностей невозможно переоценить.

Сегодня происходит реальное осмысление с позиции гендера проблем семейно-брачных отношений, испытывающих серьезные трансформации на фоне сложных социальных и культурных противоречий как в европейской и западной, так и в российской истории. При этом сам факт биологических различий между мужчиной и женщиной не отрицается, но под вопросом оказываются гендерные различия, т.е. те роли, которые то или иное общество предписывает исполнять мужчинам и женщинам, чтобы выстроить традиционную (патриархатную) иерархию

власти. Патриархальный тип семьи постепенно изживает себя. На смену ему приходит эгалитарная семья, основанная на равенстве прав и возможностей супругов, взаимном уважении и признании личности каждого. Равноправный стиль взаимодействия супругов в семье подразумевает полноту удовлетворения потребностей обоих, что способствует достижению гармонии семейно-брачных отношений и во многом оказывается показателем общего культурного развития, включенности в цивилизованный мир.

Многие исследователи справедливо связывают перемены, происходящие с семьей в XX столетии, с изменяющимся экономическим и культурным статусом женщин. Не только на Западе, но и в России женщина становится все более активным участником общественно-политической жизни, стремится повысить свой образовательный уровень и самореализоваться в профессиональной сфере. Однако с усилением личностной ориентации женщин одновременно обострились проблемы, связанные с выполнением женщиной традиционных функций в семье, в том числе репродуктивной. А поскольку мужчина по-прежнему видит свое предназначение в публичной сфере и не торопится разделить с женщиной семейные и родительские обязанности, ответственность за обеспечение качества брака и качества нового поколения несет женщина, что позволяет социологам и экономистам говорить о гендерной асимметрии в сфере родительства.

Необходимость работать, чтобы выжить в условиях конкуренции, возможность самореализоваться привели к тому, что зачастую женщинам приходится жертвовать такими ценностями как личные отношения, семья, дети. Они все в большей степени приобретают маскулинные черты, теряя традиционно приписываемые ей женские качества.

Нэнси Чодороу, одна из самых известных представительниц феминистской перспективы в психоанализе^{vii}, анализирует механизм воспроизводства половых различий в западном обществе. Западная семья характеризуется асимметричной структурой родительства с таким разделением труда, при котором женщины «материнствуют», а мужчины нет. Таким образом, они способствуют увековечению собственных социальных ролей и статусов в гендерной иерархии.

Чодороу полагает, что исключительно женское родительство имеет своими последствиями как различие психики мужчин и женщин, так и воспроизводство структуры общества, в котором они обладают неравными статусами. Выход видится в участии отцов в воспитании детей на ранних стадиях, что приведет к трансформации общества, в котором мужчины, как и женщины, будут эмоционально открытыми, а женщины, как и мужчины, обретут полную личную автономию.

Российские традиции советского периода усугубили проблемы гендерной семейной социализации. Традиционная роль отца в материальном и даже символическом смысле узурпировалась государством, отцы в советской семье оказывались в маргинальном положении. Дети становились объектом особого социального контроля. Их следовало вывести из-под влияния родителей и подчинить целиком и полностью идеологии марксизма-ленинизма. Повсеместно были построены детские ясли и сады. Работающая мать «могла не беспокоиться», ее дети были под надежной опекой государственных «мам», которые добросовестно исполняли все предписания официальной идеологии.

В эпоху Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева гендерные роли не подвергались сомнению. Гендерная стратификация не нарушалась. Сохранялось неравенство по труду и заработной плате, занимаемым должностям. Такими нормативными актами как квотирование в законодательные органы власти Советы народных депутатов достигался контроль над женским присутствием в публичной сфере. Гендерный образ советской женщины представлял собой противоречивый «букет», собранный из плохо сочетающихся компонентов.

Женщина постоянно испытывала ролевой конфликт. Сложности воспитания детей, связанные с недостатком времени, двойная занятость, выполнение домашних обязанностей и

производственных не позволяли ей делать все качественно и вовремя. Поэтому женщина либо выполняла часть возложенных на нее обязанностей формально, либо находилась в состоянии постоянного стресса.

В поздние советские десятилетия (1970 – 1980-е гг.) эволюция гендерного порядка привела к ситуации, которую можно охарактеризовать как «кризис маскулинности». Поколение мужчин, социализированное государством в условиях контроля над личной жизнью, неохотно исполняло семейную роль воспитателя детей, их «аморальное» поведение контролировалось через партийные комитеты. Инструментальная роль кормильца семьи заставляла мужчин постоянно находиться на работе. Гегемонная советская маскулинность, реализовавшаяся через служение Родине (государству), оказалась в позднесоветский период уже плохо действующим нормативом – как в связи со значительной девальвацией соответствующих ценностей, так и из-за реальных социальных изменений. Внутри гендерной системы, как и в советской социальной системе в целом, назрел кризис, который требовал коренного переустройства общества.

К середине 90-х гг. российская гендерная система «зависла». В обществе возникает гендерная аномия, проявляющаяся в отсутствии четких систем социальных норм, разрушении единства культуры, несоответствии социального опыта существующим нормам. Это проявляется в назревании конфликта на рынке труда и занятости. Возникает кризис кормильца семьи, который в свою очередь вызывает полоролевое напряжение. Социальный и экономический кризис сопровождают негативные явления, рост девиаций в виде алкоголизации населения, распространении наркомании, проституции^{viii}.

Традиционное распределение работ по дому может способствовать поддержанию низкого статуса женщин. У детей появляются гендерные стереотипы, и они овладевают разными навыками, основанными на их гендерной принадлежности. Когда дети видят женщин и мужчин, исполняющими разные роли, они начинают думать, что мужчины и женщины обладают разными качествами, которые позволяют им лучше приспособиться к этим разным ролям. Затем эти гендерные стереотипы действуют в качестве социальных норм. В результате дети стремятся овладеть различными навыками, зависящими от их гендера, и, как следствие, могут оказаться плохо подготовленными к многообразным ролям, которые им придется исполнять в дальнейшем.

Еще одна причина необходимости изменить традиционное разделение домашнего труда состоит в том, что конфликты по поводу выполнения домашних обязанностей и ухода за детьми – основной источник напряжения в отношениях между супругами. Существует мнение, что чем больше зарабатывает жена по сравнению с мужем, тем меньшую ответственность она несет за выполнение домашних обязанностей. Дифференциация домашней работы, основанная на половой принадлежности, распространена даже в тех случаях, когда ей трудно найти оправдание. Можно предположить множество объяснений, почему мужчины и женщины на словах выступают за более равноправное разделение труда, однако придерживаются традиционного распределения обязанностей в своей жизни.

В воспитании гармонично сбалансированной личности, имеющей андрогинные черты, заключается гендерный подход, наиболее актуальный для современного общества информационного типа. Цель гендерной социализации – помочь представителям обоюбого пола стать счастливыми людьми в обществе, т.е. людьми компетентными, полно реализующими свои индивидуальные особенности и способности, получающими удовлетворение от семьи и работы, уверенных в себе и своем будущем.

В условиях трансформации российского общества назрела объективная необходимость научного осмысления и детального рассмотрения в теории и на практике гендерных изменений,

происходящих в обществе, в сфере семейно-брачных ценностей и влияющих на процесс гендерной социализации в семье.

ⁱ Воронина О.А. Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и на Западе // Общественные науки и современность. – 2000. – № 4. – С. 9-21.

ⁱⁱ Легенина Т.Б. Гендерная социализация в современной российской семье. Социокультурный анализ: Дис. ... канд. соц. наук. – Ставрополь: Ставропольский гос. ун-т, 2004.

ⁱⁱⁱ Там же. – С. 6.

^{iv} Валиева С.Ф. Роль семьи в процессе социализации ребенка // Вестник Московского университета. – Сер.18. «Социология и политология». – 1997. – № 3. – С. 121-125.

^v Ерохина Л.Д. Гендерология и феминология: Учеб. пособие. – М.: Флинта, 2009. – С. 99.

^{vi} Волкова Н.Н. Уникальная методика дородового воспитания. Вопросы и ответы. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа групп», 2007. – С. 189.

^{vii} Чодороу Н. Воспроизводство материнства: психоанализ и социология пола (электронный ресурс). – Режим доступа: http://takaya.by/dictionary/rus_a/asimetr_rod, свободный. – Яз. рус.

^{viii} Темкина А.А. Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2008. – С. 33.